

ИНСТИТУТ КУРАТОРСТВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Д.А. Литошенко
ВГУЭС
Владивосток

Приметой нашего времени является совпадение по времени очередного этапа модернизации отечественной системы высшей школы с возрождением российской государственности, благодаря чему в новой редакции ставятся на повестку дня вопросы воспитания. Однако, острый дефицит в сфере идеологии и бытование инструменталистского подхода к идеологическим конструкциям (чего стоит любопытная «проговорка» эпохи «раннего Путина» - национальная идея современной России – вопрос лишь технологии), осложняют и без того противоречивую ситуацию в определении приоритетов, направлений, целей и средств воспитательной деятельности в вузах, в обществе страдающем своеобразным «синдромом хронической усталости» в соответствующих областях, восходящим к аллергии на «уваровскую триаду» и усугубленным практиками изменения общественного и индивидуального сознания из властного арсенала коммунистической идеократии недавнего прошлого.

Именно в этой весьма непростой ситуации предпринимаются инициативы вдохнуть жизнь в институты и организационные формы воспитательной работы, в обилии содержащиеся в опыте отечественной высшей школы советского и постсоветского периодов. Среди таких «возвращаемых к жизни» институтов первое место занимает институт кураторства учебных академических групп. В последнее время много говорится и пишется о повышении роли и расширении участия куратора во всех аспектах деятельности высшей школы и, в первую очередь, в воспитательной работе[5]. Уже накоплен и интенсивно обсуждается на разных уровнях прогрессивный опыт[2, с. 11-13], что, на полном основании, позволяет говорить о возрождении института кураторства в новых социокультурных условиях, в чем можно усмат-

ривать ярчайшее проявление базовых принципов лучших университетских традиций, позволявших университетскому образованию сохранять актуальность форм и содержания в перманентно изменяющихся исторических реалиях. Всё было бы именно так, но...

Не будет преувеличением утверждать, что основополагающей, а возможно и единственной аутентичной университетской традицией обозримого прошлого и настоящего, является европейская университетская традиция, по отношению к которой отечественная университетская традиция выступает, хоть и доказавшей свою жизнеспособность, но всё же – химерой, возникшей в результате «радикальной» прививки «университетского духа» к чуждому ему древу российского самодержавно-православного общественного и государственного устройства. Следовательно, исторические истоки и корни института кураторства необходимо искать отнюдь не в России, а в Европе (на крайний случай на Американском континенте). Обращение же к толще напластований исторического опыта европейской университетской традиции со всей определенностью свидетельствует о том, что в ней сведений об этом институте не содержится, по крайней мере в её наиболее оригинальной части, отложившейся во второй половине XII – конце XVIII вв.

Даже в контексте отечественной университетской традиции окончательное нормативное оформление института кураторства произошло сравнительно поздно – в начале XX в[1]. Применительно же к европейской университетской традиции можно вести речь лишь об известных аналогах и прототипах, параллели между которыми и институтом кураторства носят весьма условный характер, в первую очередь, в силу трансформаций организационных форм самого университетского образования происходивших в XVI – XIX вв. как в Европе, так и в России. Необходимо иметь в виду трансформацию университета из организации корпоративного типа в учреждение, функционирующее как специализированный орган государственного аппарата.

Итак, обратившись к содержанию европейской университетской традиции можно обнаружить три условных аналога института кураторства (перечислим их по мере появления упоминания о них в дос-

тупных нам исторических источниках): 1) аккузатор «незаконной школы»[4, с. 216-218]; 2) педель (нации и/или факультета); 3) цензор моральной философии (в Оксфордском университете)[3, с. 54-65]. За пределами воспитательно-надзорного поля лежит феномен университетского тьюторства, воплощая особую форму академического наставничества он принадлежит арсеналу организационных форм учебной и научно-исследовательской деятельности студенческой молодежи.

Рассмотрим каждую из указанных позиций и предпримем попытку понять, в какой степени они соотносятся с современным институтом кураторства функционирующего в системе организации научно-образовательной деятельности российской высшей школы.

Пролить свет на содержание обязанностей «школьного» аккузатора позволяет семантический анализ значений слова, используемого для обозначения этого служителя образовательной нивы. Аккузатор, в первую очередь, выступал в качестве надзирателя-доносителя, призванного оперативно информировать руководство школы о фактах неблагоприятного поведения школяров. Обратим внимание на тот факт, что должность аккузатора была свидетельством неполноценности школы, проявлением её «квази-», а то и того хуже, - «псевдо-» университетского статуса, заключавшегося в весьма непростых и противоречивых отношениях с университетской организацией как таковой. Считалось, что в «законной» университетской школе должность аккузатора не требуется в силу того, что собравшиеся в ней индивиды: магистры, бакалавры и школяры, имеют четкие представления о целях и задачах своего в ней пребывания и неукоснительно следуют им.

Должность университетского педеля, по большому счету, также охватывала обширный круг обязанностей академической полиции (надзор за внешним видом и поведением студентов, контроль посещаемости ими занятий и т.д.), к которому прибавлялись фискальные функции, заключавшиеся в сборе платы за обучения (коллекты) и экзамены (если таковая взималась в конкретном университете). Педель являлся той фигурой, которая встречала всякого студента, явившегося на занятия и, в силу этого, выступал объектом устойчивого избегания.

Период исполнения должности педеля, по большей части, был непродолжительным, - не более года, хотя известны случаи исполнения педельских обязанностей в течение ряда десятилетий, но в этом следует усматривать скорее проявление кризиса университетской организации, нежели знаменательное системное явление.

О должности же цензора моральной философии известно и того меньше, в основном то, что он следил за поведением и моральным обликом студентов. Срок исполнения должности цензора моральной философии не превышал одного года.

Следует отметить следующие особенности функционирования прототипов института кураторства в рамках европейской университетской традиции: 1) исполнение соответствующих обязанностей было связано с приобретением ограниченного статуса в рамках университетской организации, не отождествляемого с положением полноправного университетского преподавателя – регента; 2) исполнение указанных должностей не переплеталось с регентскими обязанностями и не совпадало с ними как в содержательном, так и во временном отношении; 3) сроки пребывания в рассматриваемых должностях были, по большей части, непродолжительными. Принимая во внимание перечисленные особенности, можно заключить, что воспитательно-надзорная функция в рамках европейской университетской традиции носила вспомогательный характер, осмысливалась как неизбежное проявление несовершенства университетской организации, нравов и порядков академического сообщества, а реализующие её практики и предписанные ею статусы имели устойчиво сниженную оценку.

Таким образом, рассмотрение аналогов и прототипов современного института кураторства, сведения о которых содержатся в смысловом массиве европейской университетской традиции позволяет сделать вывод о том, что сам этот институт не имеет глубоких корней в истории университетского образования, напротив, вызван к жизни необходимостью реализации в сфере высшего образования принудительно-контрольных практик жестких, недемократических режимов как далекого (абсолютизм), так и сравнительно недавнего прошлого (тоталитаризм XX в.), что мало согласуется с ценностями развитой

демократии, гражданского общества и правового государства, приверженность которым декларируется обществом и властями как в национальном, так и в общемировом масштабах. Кроме того, институт кураторства, даже будучи трансформированным в соответствии с принципами европейской университетской традиции, входит в противоречие с реализованной в практике современной отечественной высшей школы модели организации труда преподавателя и его профессионального взаимодействия со студенческим контингентом. Вероятным направлением выхода из существующей ситуации может служить дальнейшая эволюция института кураторства в направлении сближения его с академическим тьюторством, но успех этой трансформации находится в большой зависимости от состояния университетского менеджмента, настроений преподавательского корпуса и контингента студенчества. В любом случае научно-обоснованный прогноз хода этого процесса и разработка рекомендаций по организационно-управленческому обеспечению его эффективности требует проведения дополнительных специальных исследований.

Литература:

1. Из истории кураторства [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <http://uovr.istu.ru/curator/history.html> [Дата обращения: 13 апреля 2012 г.].
2. Кролевецкая, Е. К проблеме субъект-субъектных отношений между куратором и студенческой группой / Е. Кролевецкая // *Alma Mater*. – 2006. - № 7. – С. 11-13.
3. Локк, Дж. Предсмертная речь цензора. 1664 г. / Дж. Локк // *Сочинения: В 3-х т. / Пер. с англ. и лат. – Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. – М.: Мысль, 1988. – С. 54-65.*
4. О похвале клиру // *Антология педагогической мысли христианского средневековья. – Т. II. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом обществе глазами ученых наставников и их современников. – М., 1994. – С. 216-218.*
5. Шенкнехт, Ю.И, Коваль, М.Ю. Функции куратора студенческой группы / Ю.И. Шенкнехт, М.Ю. Коваль [Электронный ресурс] –

Режим доступа к ресурсу:
<http://elib.altstu.ru/elib/disser/conferenc/2010/02/pdf/342shenkneht.pdf>

[Дата обращения: 13 апреля 2012 г.]